

Сайяд АРАН

- Слушайте, вы уж не обессудьте... но это уже никуда не годится! Клянусь Аллахом, он скоро сведет домочадцев в могилу! Все ходят бледные, как полотно. Спрашиваю у них, как они? Говорят, никак... не ест, не пьет. Слово спросишь, только вздыхает и охает. Говорю ему, ай Джафар, дай возьму тебя под руку, выйдем потихонечку на свежий воздух, пойдем на наше местечко, пройдемся, поболтаем, погит-то у тебя, слава Богу, не парализованы... А он все рукой машет. Ну разве ж так можно? Что с ним такое произошло ни с того, ни с сего?

Никто не обронил ни слова. Старик, расположившись на пятнадцатиметровой, лежащей на двух больших булыжниках доске длиной в три метра, словно почувствовали, о чем пойдет речь еще до того, как Агарза подошел к ним. Услышав эти новости, они расстроились еще больше. Старики съжились, поникли - значит, нет у него сил подняться с постели.

Несмотря на нарочито бодрую речь Агарзы, на его тщетные попытки подбодрить и себя, и их, они поняли: видимо, Джафар при смерти. Боже, унаси! Спаси и сохрани!

Повоорившему негде было пристроиться, оттого Джикто из сидящих и не шевельнулся. Он осмотрелся вокруг, придвинул ногой плоский и гладкий булыжник, закатившийся в арык, застелил его газетой, которую достал из кармана, и осторожно присел. Примерно так использовали большие речные булыжники, оброненные водителями гравийно-песчаного завода Бахрамтепе, время от времени следующими по этой зеркально гладкой - ну чу, простите, ради Бога - безнадёжно ухабистой дороге.

Все четверо заучмично смотрели перед собой в неопределенную точку. Возможно, они даже не осознавали, что это за неведомая точка, поглотившая их взоры и мысли. Старики не встречались взглядами, они продолжали оцепенело сидеть, изредка вздыхая, но не нарушая всеобщего молчания. Джавад сидел, естественно подавшись вперед левым плечом. Причиной тому была не старость или болезнь, вовсе нет. Одна из досок забора за его спиной сильно выдавалась вперед: либо скотина задела, либо дети-озорники нашкодили. Попытки Джавада плечом задвинуть доску на место оказались тщетными, и он, смирившись с безвыходностью положения, сидел несколько косо, чтобы не натереть плечо.

В дневные часы в этом месте, где сидели старики, гуляли сквозняки. Раски-

дистый тополь создавал в радиусе десяти метров чуть ли не студеную тень. Как только старики вставали со своего места, скамейку моментально занимали молодые, и сразу же начинали играть в домино - и так до самой полуночи. А ночью сюда собирались желающие попить. Дело в том, что позади этой импровизированной скамейки проходил предназначенный для орошения садов и огородов села небольшой арык, проведенный от канала Хубьярлы. Молодые взиромозили друг на друга несколько больших булыжников в верхней части арыка, чтобы вода, текущая в арыке, звонко журчала и создавалось впечатление, что они отдыхают у ручья. А что им еще оставалось? Место низменное, с жарким климатом... Как говорится, чем богаты...

Старики ждали доброй весточки о Джафаре, но вести были неутешительные. У всех четверых в горле пересохло, дыхание участилось. Уж очень они надеялись на добрую новость, верили, что на сей раз Агарза хоть силком, но приведет Джафара. Значит, у него опять не было сил, чтобы выбраться на свежий воздух, поболтать, развеселиться, хоть на время забыть о своих хворях.

...Все были крайне насторожены. Если с одним из них случалось печальное, всех остальных охватывало беспокойство. Все тотчас начинали думать, что такой же недуг точит их самих, начинали чутко вслушиваться в свой организм и искать у себя тревожные симптомы. Они моментально выясняли все измешения в состоянии товарища до самых мелочей, а затем анализировали свое состояние, изо дня в день уменьшали порцию еды, все больше отдавали предпочтение диетическому питанию, кисло-молочным продуктам, и даже если умирали от голода, ни за что не соглашались поужинать поздно вечером.

- Вчера выпил маленькую чашечку кефира, и так легко уснул...

- И я опрокинул тарелку айрана. Хоть голода не утолил, зато уснул как младенец.

- А помнишь, как в молодости обещались на свадьбах, на ночь глядя, в десять, одиннадцать, двенадцать часов ночи? Ни водкой не насыщались, ни панишкой. Ни от слова не отказывались, ни от долмы. Как будто силос утробовывали. И как только желудки выдерживали...

ХОЛОД...

Старики, сидящие у арыка, были самыми пожилыми жителями деревни - давно перевалив за семидесятилетний рубеж, они разменяли восьмой десяток. Между ними была незначительная разница в возрасте - два-три года. Самым молодым среди них был 74-летний Агарза - деревенский вестник; больной Джафар был чуть старше него, затем шел Джавад, тот самый, которому в спину упиралась выступающая доска забора, за ним шел особенно уважаемый всеми жителями села Мирали, который 20 лет проработал председателем, и с годами одиознее все больше оценивали по достоинству его добросовестную работу и речение за людей; и, наконец, знакомый всем с самого рождения "Самосвал" Гусейнага, который уже лет десять не садился за баранку, а в последнее время мучился от сильных головокружений.

Ни этих словах они возмущенно хлопали ладонями по коленям так, что было слышно в соседнем дворе.

- Вот поэтому сейчас и неразлучен с тонометром... - двусмысленно сказал "Самосвал" Гусейнага сокрушающемуся о былом безрассудстве председателю. Бывший председатель еле заметно улыбнулся и обратился к Джаваду: - Видишь, сорганил один раз в сто лет, а он при любой возможности и напоминает мне это.

Некогда, еще будучи председателем, он не смог пристроить Гусейнагу на работу. Правда, от него ничего не зависело - не было ни штатной единицы, ни новой машины. Разгневавшийся "Самосвал" Гусейнага прямо ночью привязал в стойле начальника дорожного управления буйволу с прилодом. Ровно через три дня он проехал прямо под окна

ми председателя, подняв клубы пыли, на новеньком самосвале. Тогда все устемехнулись, но отнеслись с пониманием к неотесанности Гусейнаги. Что ж было делать? В селе все свои, все близкие, всякое бывает. Образумится, зелен еще. Глядишь, и сам повинится.

Стрелки часов, хоть и медленно, потикали. А медлительный ход времени старики списывали на отсутствие новостей, что заставляло их еще пуще тревожиться, не случилась ли беда с Джафаром (ни у кого не поворачивался язык сказать то страшное слово). Все задавались вопросом: - интересно, кто же следующий? Все задумывались о своем возрасте и сравнивали себя с Джафаром. Эх, на все воля Божья.

Юный кучерявый парнишка на сильной скорости промчался мимо них на велосипеде и поднял пыль. Эта выходка неприятно удивила их. Ах вот в чем дело... Вот и причина - впереди шагала девочка 12-13 лет.

- Кто этот негодник? - сердито спросил бывший председатель.

Джавад, словно лениво потягиваясь, а на деле пытаясь подтолкнуть на место вновь свалившуюся ему на плечо доску, осторожно предположил:

- Плосконосый. Похож на отпрысков Гулама...

Все стали вспоминать поголовно весь род Гулама. "И в самом деле, что за наглость? Поколения меняются, а эти как были неотесанными, такими и остались. Что за племя такое?!"

Старики не стали улубляться в эту тему, иначе вплоть до глубокого вечера обсуждали бы только это. Все были напряжены, встревожены, не до того было...

И вновь все задумались, замкнулись в себе, устремив невидящие взоры вдаль. Они и без того в последнее время были немногословны. А мысль о том, что их сверстник лежит при смерти, внесла смутнение в их души. Они даже не могли найти тем для разговоров, будто обо всем на свете уже поговорили, обсудили. Новшества их не интересовали, да и темы эти были не для них - все эти, как их там... интернет, ватсапы, ютубки, планшеты, телефоны всякие...

Правда, у них тоже были телефоны, но все, что они умели делать, это нажатие, как их учили, на кнопку и ответить на звонок, либо набрать номер... Вот и все...

Их спокойствие было нарушено, пропал аппетит и интерес ко всему. Белье и постельный режим Джафара обескуражили их. Слово оборвалось, пинка четок, словно все было половинчатым, несовершенным. Темы, цели, желания - все оборвалось на середине. Они с замирающим сердцем думали: "Значит, скоро наступит моя очередь..." Тотчас же утешали себя: "Хвала Аллаху, мне грех жаловаться. В свое время и наелся, и напился, и нагулялся вдоволь. Пожил в свое удовольствие, и детей вырастил, поставил на ноги, устроил их жизнь. Всем рано или поздно придется собираться в путь. Эх, бренный мир, никто в нем не задержится... Ну и пусть... Все равно... Однако больно хочется дотянуть до восьмидесяти... Нет, нет, о Аллах, грешен, прости! На все Твоя воля, Господи!"

Близился полдень. Вот-вот все разом завопят телефоны: позвонят на обед. Конечно, в основном внуки. Сыновья и невестки Бог знает почему препоручили

это дело внукам: то ли с неохоты, то ли решив, что дедам будет по душе, если позвонят внуки...

...Неожиданно раздался азан. На самом деле он прозвучал вовсе не неожиданно, а в положенное время. Но почему это так напугало их? Это единственное, что они не ожидали услышать в этот час. Они были настроены на восточку, словечко, новость о Джафаре. И тут раздался азан... Да смилостивится Аллах... Фразы из Корана, протяжные звуки азана напомнили им отпевание покойника. Но ведь ежедневно - утром, днем и вечером они слышали азан, и сразу все спешили - кто на омовение, кто за четками, а кто-то, уединившись в дальних комнатах, совершал намаз. Ведь они не в первый раз его слышат, тогда откуда эта дрожь?

Астафируллахи ва атубу иляйх.

Старики поглядывали друг на друга. Интересно, к кому из них пятерых первым постучится смерть? К Джафару, много дней не встающему с постели, или?.. О Аллах, только не я... Знаю, знаю, все мы гости в этом мире. Но почему именно я?..

Все они думали об одном и том же, и каждый из них был уверен, что мысли всех остальных занимает то же самое. Однако никто не говорил об этом, ведь каждого можно было уличить в тех же мыслях ...

Если Джафар уйдет, значит, и нам скоро собираться в путь, - думали они. - Никто из нас не пышет здоровьем - кому-то лучше, кому-то хуже. Выходит, это и есть вся жизнь: рождение, школа, институт, брак, дети, женитьба детей, внуки, - всю жизнь трудись в поте лица и на старости лет проводи дни в пустых беседах да жди своего конца. "Знали бы, не родились". Покойся с миром, поэт, это ты верно сказал.

Никто и не думал вставать, хотя пора было идти на обед. Чуть поодаль от них двое молодых парнишек с коробкой домино подмышками удивленно смотрели на стариков, не понимая почему они не уходят. И телефоны трезвонят хором, а им хоть бы что. Нет, здесь что-то не так.

Господи, интересно, что для нас уготовано на том свете? Знаем, что в потустороннем мире придется ответить за все, содеянное в жизни земной. О Аллах, прости нам наши ошибки и преступления!

Все были очень удручены. Заслышав азан, содрогнулись, съежились как никогда. Прижались друг к другу и как малые дети взялись за руки. В это время, ни с того, ни с сего, Джавад киши почувствовал небывалую легкость, словно сняли с души тяжелый камень. Оттого что они сидели прижавшись друг к другу, балка упиралась уже не в плечо, а в бок Джавада. Агарза пододвинул к ним булыжник, на котором сидел, и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, прикрыл глаза и положил голову на колени "Самосвала" Гусейнаги. А Гусейнага положил руку ему на плечо и погладил как ребенка.

Внезапно все четверо почувствовали жуткий мороз, пронимающий до костей.

К дому Джафара тянулась вереница женщин в черных одеяниях и черных келлагаи.

Все четверо, съежившись, безмолвно дрожали под палящим солнцем.

Перевод Юсты АХУНДОВОЙ